

Герберт Уэллс
—
Война миров

Москва
2022

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

У98

Herbert George Wells

THE WAR OF THE WORLDS.
THE INVISIBLE MAN

Перевод с английского *Эмили Пименовой*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Корреа Эрике Алвим* (1876-1910)

Оформление серии *Степана Костецкого*

Уэллс, Герберт Джордж.

У98 **Война миров / Герберт Джордж Уэллс ; [перевод с английского Э. Пименовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.**

ISBN 978-5-04-163985-3

Герберт Уэллс в своих фантастических произведениях опередил свое время. Он пророчил, что наша реальность будет четырехмерна, писал о лазере и атомной бомбе задолго до их изобретения, предсказал полеты на Луну, развитие автомобильного транспорта и даже Вторую мировую войну.

«Война миров» — первый в истории роман, поднимающий тему вражды между людьми и инопланетянами. Захватывающий и отрезвляющий, пугающий и увлекательный, потрясающе масштабно экранизированный.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-163985-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть I

ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

Глава 1

КАНУН ВОЙНЫ

Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на Земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны старых миров, и даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось, как нечто неправдоподобное. Любопытно припомнить теперь некоторое из ходячих мнений минувших уже дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могли жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы нашу попытку исследовать их планету. А между тем по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного, и завистливыми, враждебными глазами смотрели на нашу Землю. Они обдуманно и с верным расчетом ковали планы против нас, и вот в начале двадцатого века настал для людей момент великого разочарования.

Мне едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 000 000 миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже началась жизнь. Тот факт, что он едва достигает объема

Земли, должен был ускорить его охлаждение до той температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что Марс обладает водой и воздухом и всем необходимым для поддержания животного организма.

Но так велико тщеславие человека и так он им ослеплен, что до конца девятнадцатого столетия ни один из писателей не подошел даже близко к мысли о возможности развития умственной жизни на Марсе, а тем более что оно могло обогнать развитие ее на Земле. Однако из фактов, что Марс старше нашей Земли, что поверхность его равняется только четвертой части ее поверхности и он более удален от Солнца, не было все-таки сделано естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и ближе к ее концу.

Вековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, зашел уже довольно далеко на Марсе. И хотя его физические свойства представляют в целом еще тайну, но нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура еле-еле достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь едва ли более трети его поверхности, во время же длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные залежи

снега, которые, при таянии, периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная от нас, стала для обитателей Марса злободневным вопросом. Гнет близкой опасности изошрился их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И вот, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, они увидели в ближайшем от них расстоянии, всего в 35 000 000 миль по направлению к Солнцу, зарю надежды — нашу, более теплую, планету, покрытую растительностью, с синееющей массой воды, окруженную облачной атмосферой, что свидетельствовало о плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть непрерывная борьба за существование. По-видимому, это мнение разделялось и обитателями Марса. Охлаждение их планеты значительно подвинулось вперед. На Земле же еще кипела жизнь, но населена она была существами низшего порядка. И единственным способом для марсиан избавиться от гибели — которая из

поколения в поколение все ближе подвигалась к ним, — было переселиться ближе к Солнцу, то есть завоевать Землю.

Прежде чем осудить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица земли европейскими переселенцами в течение лишь пятидесяти лет. Такие ли мы апостолы милосердия, чтобы иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью — их математические познания, по-видимому, далеко превосходят наши! — и с полным единодушием довели свои приготовления до конца. Обладай мы более совершенными инструментами, мы бы уже в начале девятнадцатого столетия заметили надвигающуюся на нас опасность. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали Красную планету, — кстати сказать, как это ни странно, Марс испокон веков считался звездой войны, — но они были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они с такой точностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время противостояния в 1894 году был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса, сначала Ликской обсерваторией, потом Перретином в Ницце, а позднее также и другими наблюдателями. Англичане прочли об этом впервые в одном из номеров «Nature» 2 августа. Я придерживаюсь того мнения, что появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Странные, еще до сих пор не получившие объяснений, пятна были замечены вблизи этого взрыва во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет тому назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные проволоки астрономических соединительных станций, чтобы сообщить о невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился, показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой несся с Марса к Земле. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с вырывающимся из пушки при выстреле горящим газом.

Это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было больше никаких сообщений об этом удивительном явлении, за исключением маленькой заметки в «Daily Telegraph». Мир пребывал в неведении относительно величайших опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Может быть, я ничего не знал бы об извержении, если бы не встретился с известным астрономом Огильви в Оттершоу. Он был ужасно взволнован явлениями на Марсе и предложил мне заняться совместно с ним ночью наблюдениями над Красной планетой.

Несмотря на все пережитое мною с тех пор, я ясно помню все мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасывающий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатого углубления, через которое видно было небо с рассыпанными на нем звездами. Огильви ходил взад и вперед по комнате, невидимый мне, но слышимый. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую круглую планету на нем. Она казалась такой ничтожной и спокойной, и на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть-чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была какая-то чуть заметная крапинка света! Она как будто дрожала слегка,

но на самом деле это дрожал телескоп от часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, но это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее. Значит, более сорока миллионов миль пустоты. Мало кто может ясно представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, я помню, три маленькие светлые точки, — три телескопических звезды, бесконечно далекие, а вокруг них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какую глубокою представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мною, такое далекое и малое, нечто неслось, посланное нам марсианами, неуклонно и быстро пролетая невероятно огромное расстояние, приближалось ко мне с каждой минутой на многие тысячи миль. Это было то, что должно было принести на Землю столько борьбы, бедствий и смертей. Когда я тогда смотрел, я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я наблюдал его. Красноватая вспышка на

краю диска, очертания которого были чуть заметны. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр пробил полночь. Я сообщил об этом Огильви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Неловко вытягивая ноги, я оцупью, в темноте, направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огильви между тем пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа, которые неслись к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно через двадцать четыре часа, без одной или двух секунд после первого. Помню, я сидел у стола, и красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это раздражало меня. Я совсем не думал о значении слабой вспышки, только что виденной мною, и не подозревал всего того, что она принесет мне с собой. Огильви продолжал свои наблюдения до часу, а потом мы зажгли фонарь, и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с их сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огильви строил разные предположения о свойствах Марса и смеялся над идеей, что на нем есть живые существа, сигнализирующие нам. По его мнению, на Марсе могло происходить сильное вулканическое извержение, или же это были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое

внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах органическая эволюция могла пойти одним и тем же путем.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, — говорил он мне.

Сотни наблюдателей видели на Марсе огонь в эту ночь и в следующую ночь около полуночи, и так десять ночей кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле не пытался объяснить. Возможно, что газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволокли ясную атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Punch» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как могли люди заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню еще, как ликовал Маркгэм

от того, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты, которую он собирался издавать. Люди последнего поколения не могут даже представить себе тех ажиотажа и духа предприимчивости, которые царили в газетном мире в девятнадцатом столетии. О себе же скажу, что в то время я был занят упражнениями в езде на велосипеде и печатанием своих статей в различных журналах о вероятных формах развития моральных идей в период прогрессирующей цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был в то время не более как в 10 000 000 миль от нас), я вышел погулять с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака. Я показал ей также Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую теперь было направлено столько телескопов.

Была теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В верхних этажах домов, в окнах, виднелся свет; их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он казался почти мелодичным. Моя жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем, такой безопасностью!..

Глава 2

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, описав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером, по направлению к востоку. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая ее, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течение нескольких секунд. Деннинг, один из величайших наших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю приблизительно миль за сто от того места, где он находился в тот момент.

В это время я был как раз дома и писал у себя в кабинете, и, хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы были подняты (в эти дни я любил наблюдать ночное небо), я все же ничего не заметил. А между тем этот странный предмет — самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, — должен был упасть именно тогда, когда я сидел у себя, и я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал. Те, кто его видел, утверждали, что его полет сопровождался свистящим звуком. Сам я этого не слышал. Многие в Беркшире, Суррее и Миддлсексе видели его падение, но подумали, наверное,

что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавшую массу.

На следующий день Огильви, который видел эту падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь на полях, между Горселлем, Оттершоу и Уокингем. И действительно, он вскоре нашел его недалеко от песочных ям. Кругом со страшной силой были разбросаны песок и мелкий гравий, которые образовали довольно большие кучи, видимые за полторы мили. К востоку от этого места горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных щепок сосны, которую он раздробил при своем падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой, чешуевидной, темно-коричневой корой, совершенно скрывавшей его очертания. Величина его в диаметре была приблизительно ярдов в тридцать. Подойдя ближе к лежащей массе, Огильви был крайне поражен ее величиной и еще больше ее формой, так как метеориты имеют обыкновенно более или менее закругленную форму.

Но подойти к метеориту близко было невозможно, так как он еще не остыл после своего полета через атмосферу и был очень горяч. Жужжащий звук внутри цилиндра Огильви приписал

неравномерному охлаждению его поверхности, — тогда еще ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым внутри.

Остановившись на краю ямы, вырытой упавшим телом, он в недоумении смотрел на этот странный предмет, не зная, чем объяснить его необыкновенные форму и цвет. Мысль о чем-то преднамеренном в его появлении на Земле уже тогда промелькнула в его сознании. Утро было удивительно тихое, и солнце, показавшееся над соснами Вейбриджа, уже достаточно грело. В это утро не было слышно пения птиц, даже ветерок не шелестел листьями, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был слабый шорох внутри горячего цилиндра. На поле не было ни души.

Вдруг Огильви заметил с испугом, что кусок серого шлака пескообразной коры, покрывавшей метеорит, отделился от его закругленной верхушки. Он отпадал хлопьями и валился на песок. Но вот отвалился внезапно огромный кусок и упал с таким резким стуком на землю, что у Огильви замерло сердце.

С минуту он стоял неподвижно, не понимая, что это значит. И хотя жар, исходивший от метеорита, был еще очень силен, он все же спустился в яму, чтобы рассмотреть его поближе. Но даже и тогда он продолжал думать, что это явление объясняется неравномерным охлаждением цилиндра. Такому объяснению, однако, противоре-

чил тот факт, что пепел отпадал только с верхушки цилиндра.

Потом он заметил, что крышка цилиндра начала тихонько поворачиваться. Движение это было настолько медленное, что он его заметил только потому, что черная черта, которая пять минут тому назад была перед ним, находилась теперь на другой стороне крышки. Но даже и тогда он не вполне понимал, что это означало, пока не услышал глухой, скребущий звук и не увидел, что черная черта передвинулась еще на один дюйм дальше. Тогда его словно осенило: цилиндр был искусственный, полый внутри, с крышкой, которая отвинчивалась! Кто-то сидящий в цилиндре отвинчивал эту крышку!

— Там человек! — вскричал Огильви. — Их там много! Они наполовину испеклись и стараются вылезти оттуда!

И внезапно, быстрым скачком мысли, он связал появление метеорита с огненной вспышкой на Марсе.

Так ужасно было думать о заключенных там живых существах, что Огильви, забывая жар, который продолжал исходить от цилиндра, подскочил к нему, чтобы отвинтить крышку, но, к счастью, вовремя спохватился и потому не успел обжечь себе руки о раскаленный металл. Он остановился в нерешимости на одно мгновение, но затем повернулся, выкарабкался из ямы и со

всех ног пустился бежать в Уокинг. Было около шести часов. Встретив на своем пути извозчика, он пытался объяснить ему то, что видел только что, но его рассказ, как и весь его вид — он потерял свою шляпу в яме, — показались вознице такими дикими, что он стегнул лошадь и поехал дальше. Такая же неудача посетила его с хозяйном квартиры у Горсельского моста. Тот принял его за сбежавшего сумасшедшего и пытался даже запереть его в комнате. Это отрезвило Огильви немного, и когда на дальнейшем своем пути он увидел журналиста Гендерсона, работавшего в своем саду, он окликнул его и постарался спокойно рассказать ему все виденное им.

— Гендерсон! — крикнул он. — Вы, наверное, видели вчера падающую звезду?

— Ну? — откликнулся Гендерсон.

— Она лежит теперь на Горсельском поле.

— Черт возьми! — крикнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это недурно!

— Но он представляет из себя нечто почище простого метеорита. Это цилиндр — искусственный цилиндр, дружище! И в нем находятся живые существа.

Гендерсон, с лопатой в руке, немного нагнулся к нему.

— Что такое? — переспросил он: он был глух на одно ухо. Огильви рассказал ему все, что видел. Гендерсон на минуту задумался над его

рассказом, а затем, бросив лопату, схватил свою куртку и вышел на дорогу. Оба вместе бросились бежать на поле и увидели цилиндр все в том же положении. Шум, слышавшийся внутри, однако, прекратился, и между крышкой и телом цилиндра показалась узкая полоса блестящего металла. В этом месте входил или выходил воздух со слабым тонким шипением.

Минуту они прислушивались, постучали палкой по цилиндру и, не получая ответа, пришли к заключению, что человек или люди, сидящие внутри, потеряли сознание или умерли.

Само собой разумеется, что оба они были не в состоянии что-либо предпринять. Они крикнули несколько слов ободрения и утешения сидящим в цилиндре и отправились в город за помощью.

Можно себе представить, как они выглядели, когда, покрытые пылью, взволнованные и растерзанные, бежали по маленькой улице городка, при ярком солнечном свете, как раз в такое время, когда открывались лавки и проснувшиеся жители смотрели из окон. Гендерсон тотчас же отправился на станцию железной дороги, чтобы сообщить в Лондон по телеграфу сенсационную новость. Газеты уже подготавливали умы к восприятию этого известия.

К восьми часам толпа мальчуганов и всякого праздного люда собралась на поле, чтобы посмотреть на «мертвых людей с Марса». В таком

виде распространилось это известие. Я впервые услышал это от своего газетчика, когда вышел на улицу, чтобы купить «Daily Chronicle». Конечно, я был очень удивлен и, не теряя ни минуты, отправился через Оттершоуский мост к песочным ямам.

Глава 3

НА ГОРСЕЛЬСКОМ ПОЛЕ

Небольшая кучка в двадцать человек стояла вокруг ямы, в которой лежал цилиндр. Вид гигантского, зарывшегося в землю тела я уже описал раньше. Кучи земли и песка казались выброшенными взрывом. Без сомнения, тут произошел взрыв, вызванный падением тела. Гендерсона и Огильви не было там. Я подозреваю, что они оба не знали, что предпринять в данную минуту, и поэтому отправились завтракать к Гендерсону.

Четверо или пятеро мальчуганов уселись на краю ямы и, свесив ноги, забавлялись тем, что бросали камни в гигантскую массу, пока я не запретил им этого. Тогда они принялись играть в пятнашки, бегая вокруг группы собравшихся взрослых.

Тут были два велосипедиста, садовник, работавший иногда у меня, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг с маленьким сыном и двое или трое празднующихся бродяг. Разговоров почти не было слышно. Лишь у очень немногих

из английского низшего класса были в то время кое-какие понятия об астрономии. Большинство же из присутствующих молча созерцали большую плоскую крышку цилиндра, который оставался все в том же положении, как его оставили Гендерсон и Огильви. Я думаю, что многие ожидавшие увидеть здесь груды обугленных тел были разочарованы видом бездушного колосса. Некоторые ушли, пока я был там; их заменили другие. Я опустился в яму, и мне казалось, что я чувствую под ногами слабое движение.

Только подойдя вплотную к метеориту, я убедился в своеобразности его вида. На первый взгляд в нем не было ничего особенного, — не больше, чем в опрокинутом экипаже или свалившемся дереве, заградившем дорогу. Больше всего он был похож, пожалуй, на ржавую газовую трубу. Требовалась известная степень научной подготовки, чтобы заметить, что серая кора, покрывавшая его, не была обыкновенной окисью, а желтовато-белый металл, блестевший между крышкой и цилиндром, имел какой-то особенный оттенок. Определение «внеземной» было бы для большинства присутствующих пустым звуком.

Тогда я был уже твердо уверен, что этот предмет явился к нам с планеты Марс. Но мне казалось невероятным, чтобы в нем находились живые существа. Движение крышки могло быть автоматическим. Вопреки мнению Огильви, я был

уверен, что на Марсе есть живые существа. Полный фантастических предположений, я серьезно был озабочен мыслью, что в метеорите могли быть заключены рукописи, и представлял себе затруднения, которые должны были возникнуть при переводе их. В нем также могли находиться и образчики монет, медалей и т.д. Но для таких целей метеорит был все же немного велик. Меня разбирало нетерпение увидеть его открытым. В одиннадцать часов еще ничего не произошло нового, и я решил вернуться домой в Мейбюри. Но в этот день мне стоило больших усилий углубиться в свою работу, относящуюся к абстрактным исследованиям.

После полудня вид Горсельского поля сильно изменился. Вышедшие накануне вечерние газеты напечатали крупными буквами в заголовке:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА.

Удивительные вести из Уокинга.

Конечно, это не должно было всполошить весь Лондон, и, кроме того, телеграфное сообщение Огильви на астрономическую станцию подняло на ноги все обсерватории трех королевств.

На дороге, около песочных ям, стояло с полдюжины кабриолетов из Уокинга, легкий шарабан из Кобгэма, довольно шикарный собственный экипаж и целая армия велосипедов. Несмотря на

жару, много народу пришло пешком из Уокинга в Чертси. В общем, собралась порядочная толпа и среди нее несколько нарядных дам.

Солнце нестерпимо жгло, на небе не было ни облачка, ни дуновения ветерка, и только под одиноко стоящими соснами можно было найти немного тени. Горящий вереск наконец потушили, и вся равнина по направлению к Оттершоу, почернела, и от нее все еще тянулись вверх струйки дыма. Какой-то предприимчивый купец из Кобгэма прислал своего сына с тележкой, нагруженной кислыми яблоками и имбирным пивом.

Когда я подошел к краю ямы, то увидел там группу людей, человек шесть, в том числе Гендерсона, Огильви и какого-то высокого блондина. Как я потом узнал, это был астроном Стэнт, член Королевского астрономического общества. Он пришел с несколькими рабочими, вооруженными заступами и кирками. Стэнт отдавал приказания ясным, громким голосом. Он стоял на цилиндре, который теперь уже значительно остыл. Лицо его покраснелось, и пот катил с него. По-видимому, он был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была теперь обнажена, но своим нижним концом она лежала еще глубоко в земле. Как только Огильви увидел меня в толпе зевак, стоявших на краю ямы, он крикнул мне, чтобы я сошел к нему, и попросил меня пойти к владельцу соседнего поместья, лорду Гильтону.

— Все увеличивающаяся толпа, — сказал он мне, — представляет серьезную помеху земляным работам, в особенности же мешают мальчуганы. Необходимо обнести яму решеткой, чтобы оттеснить толпу. — Он рассказал мне также, что внутри цилиндра по временам все еще раздается слабый шорох, но рабочим не удастся отвинтить крышку, так как она гладкая и не за что ухватиться. Стенки цилиндра были, по-видимому, очень толстые, и поэтому весьма возможно, что слабые звуки, доносившиеся до нас, были лишь отзвуком происходящей внутри кутерьмы.

Я с радостью взялся исполнить поручение, так как попадал, таким образом, в число привилегированных зрителей внутри предполагаемой ограды. К сожалению, я не застал лорда Гильтона дома, но мне сказали, что его ждут из Лондона с шестичасовым поездом. Было уже четверть шестого, и поэтому я зашел домой напиться чаю, а затем отправился на станцию, чтобы перехватить лорда по пути.

Глава 4

ЦИЛИНДР ОТКРЫВАЕТСЯ

Когда я вернулся на поле, солнце уже садилось. Отдельные группы любопытных спешили из Уокинга, другие возвращались туда. Толпа вокруг ямы увеличилась и выделялась темным

пятном на золотистом фоне вечернего неба. Всего тут было человек двести. Слышался гул спорящих голосов, и у ямы происходило, по-видимому, что-то вроде борьбы. Самые необыкновенные догадки мелькали у меня в голове. Когда я подошел ближе, я услышал голос Стэнта:

— Назад! Назад!

Навстречу мне бежал какой-то мальчик.

— Он двигается! — закричал он, пробегая мимо. — Он все отвинчивается и отвинчивается. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел к толпе. Там было не менее двухсот-трехсот человек. Все они ужасно толкались, стараясь протиснуться вперед, и особенно энергично действовали дамы.

— Он упал в яму! — закричал кто-то.

— Назад! — кричали другие.

Толпа раздалась немного, и я, воспользовавшись этим, протиснулся вперед с помощью локтей. Все были в страшном возбуждении. Из ямы доносились какие-то своеобразные жужжащие звуки.

— Я прошу вас, — кричал Огильви, — помогите мне оттеснить этих идиотов! Мы еще не знаем, что находится в этой проклятой машине!

Я увидел, что какой-то молодой человек, приказчик из Уокинга, стоял на цилиндре и старался выкарабкаться из ямы, куда его, очевидно, столкнули во время давки.

Крышку цилиндра отвинчивали изнутри. Уже

около двух футов блестящих нарезов винта стали видимы. Кто-то нечаянно толкнул меня сзади, и я чуть не полетел вниз, прямо на цилиндр. Я обернулся, и как раз в этот момент крышка цилиндра отвинтилась и со звоном упала на песок. Я оттолкнулся локтем от напиравших на меня сзади людей и обернулся лицом к лежащему колоссу. Блеск заходящего солнца ослепил мои глаза, и круглое отверстие цилиндра показалось на минуту совершенно черным.

Я думаю, что каждый из присутствующих ожидал появления человека, отличающегося от земных людей, но все же человека. Я, по крайней мере, был в этом уверен. Но когда я взгляделся пристальнее, то заметил вдруг, что в темноте двигалось что-то серое, волнообразными движениями, одно над другим, а потом я увидел два блестящих круга, очевидно — глаза. От этой копошащейся кучи отделилось нечто вроде маленькой серой змеи, величиной с тросточку. Оно устремилось в мою сторону, а за ней такая же другая.

У меня мороз пробежал по коже. Сзади меня громко вскрикнула какая-то женщина. Полуобернувшись к толпе, но не отводя глаз от цилиндра, из которого высовывались все новые щупальца, я стал протискиваться назад. Я видел, как на лицах людей удивление сменилось ужасом. Кругом раздавались дикие крики и испуганные возгласы. Началась всеобщая паника. Я видел, как приказчик из

Уокинга еще старался вылезти из ямы. Люди, стоявшие на стороне ямы, бросились бежать, и между ними был мистер Стэнт. Я остался один.

Взглянув на цилиндр, я окаменел от ужаса. Мои ноги словно приросли к земле. Я не мог пошевелиться, но не мог не смотреть.

Огромное серое круглое тело, величиной с медведя, медленно и тяжело поднималось из цилиндра. Когда оно вылезло настолько, что на него упал свет, то я заметил, что все его тело блестело, как мокрая кожа. Большие темные глаза пристально смотрели на меня. У него было что-то вроде лица. Под глазами был рот, без губ, края которого непрерывно дрожали, и из него текла слюна. Все тело поднималось и опускалось от усиленного вдыхания. Одно щупальце уцепилось за цилиндр, другое болталось в воздухе.

Тот, кто никогда не видел живого марсианина, не может себе представить ужасающего безобразия этих существ. Своеобразная форма рта в виде римской цифры V, с заостренным верхним концом, полное отсутствие надбровных дуг, отсутствие подбородка под клинообразным нижним краем рта, непрерывное дрожание рта, змеевидные щупальца, громкое дыхание легких в чуждой атмосфере, а также бросающиеся в глаза тяжело-весность, затрудненность движений, — результат большей силы притяжения на Земле — и главное, — упорный взгляд огромных глаз, — все это

вызывало во мне чувство, близкое к обмороку. Было что-то грибообразное в этой маслянистой коричневой коже, а в неуклюжей обдуманности медленных движений марсиан лежало что-то невыразимо страшное. Уже с первой встречи, с первого взгляда отвращение и ужас наполнили мою душу.

Чудовище вдруг скрылось. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму с таким стуком, словно большой кожаный мешок ударился о землю. Я услышал странный глухой крик, и в тот же момент в темном отверстии цилиндра показалось второе такое же существо.

Тут столбняк мой разом прошел. Я повернулся и бросился бежать как сумасшедший к ближайшей группе деревьев, бывших на расстоянии ста ярдов от меня. Но я бежал зигзагами и спотыкался на каждом шагу, так как все время оглядывался на чудовище.

Там, под молодыми соснами, за кустами дрока, я остановился, задыхаясь, и стал выжидать дальнейшего развития событий. Поле вокруг песочных холмов было усеяно людьми, которые, так же как и я, словно очарованные, в ужасе стояли и смотрели на невиданные существа или, вернее, на кучи камней у края ямы, в которой они копошились. Вдруг я увидел круглый черный предмет, который то поднимался над краем ямы, то снова исчезал. То была голова злополучного приказчика, который упал тогда в яму, голова, казавшаяся издали маленьким черным пятном на

фоне заката. Но вот показались его плечи и колени, а затем он опять, должно быть, соскользнул, так как видна была только его голова. Вскоре и она исчезла, и я услышал как будто слабый крик. Одну минуту я чуть не поддался импульсу бежать ему на помощь, но страх одержал верх...

Теперь уже ничего не было видно, так как куча песка, набросанного при падении цилиндра, скрывала от глаз происходившее в яме. Всякий, кому пришлось бы проходить в это время по дороге из Кобгэма или Уокинга, был бы поражен необыкновенным зрелищем. Рассеянная толпа, человек в сто с лишком, стояла неправильным кольцом, прячась в канавах, за кустами и изгородью. Никто не разговаривал друг с другом, и только иногда слышались короткие возбужденные возгласы. Брошенная своим владельцем тележка с имбирным пивом вырисовывалась темным силуэтом на алеющем вечернем небе. У песочных ям стоял ряд опустевших экипажей, лошади которых ели овес из подвешенных торб и нетерпеливо взрывали землю копытом.

Глава 5

ТЕПЛОЙ ЛУЧ

С той минуты, когда я увидел марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они прилетели со своей планеты к нам на Землю, какие-то

чары сковали мою волю. Я продолжал стоять как заколдованный, по колено в вереске, и не отрываясь смотрел на песочные кучи, скрывавшие от меня этих чудовищ. Страх и любопытство боролись в моей душе.

Я не решался вернуться к яме, но у меня было страстное желание заглянуть в нее. Я начал поэтому искать какой-нибудь удобный пункт для наблюдений, не спуская, однако, глаз с песочных куч, за которыми прятались эти странные пришельцы. Вдруг я увидел, как взметнулся кверху, по направлению к заходящему солнцу, какой-то тонкий, черный пучок, словно лапа полипа, и снова скрылся. Затем вытянулся, точно сустав за суставом, тонкий столб, на конце которого находился круглый диск, который все время вращался. Что могло происходить там?

Большинство людей разделились на две группы. Одна, поменьше, стояла в стороне Уокинга, другая кучка, побольше, — в стороне Кобгэма. Очевидно, все они переживали такую же душевную борьбу, как и я.

Несколько человек стояли около меня. В одном из них я узнал моего соседа, хотя имя его было мне неизвестно. Я подошел к нему и заговорил с ним. Но момент был совсем неподходящий для разумной беседы.

— Что за ужасные гады! — сказал он. И он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я его. Но он мне ничего не ответил на это. Мы долго молча стояли друг около друга и испытывали, казалось, некоторое облегчение от того, что были вместе. Затем я перешел на другое место, которое было выше на несколько футов и удобнее для наблюдений, а когда я оглянулся, то увидел, что мой сосед шел по направлению к Уокингу.

Закат сменился постепенными сумерками, не принеся с собой никаких изменений. Вдали, налево от Уокинга, толпа как будто прибывала, и оттуда доносился неясный гул голосов. Около Кобгэма бывшая там кучка людей совсем рассеялась. Вблизи ямы, где лежал цилиндр, не было заметно никаких признаков жизни.

Это подействовало ободряюще на толпу, и, возможно также, новые зрители, подходившие из Уокинга, способствовали подъему настроения. Во всяком случае, с наступлением темноты возобновилось медленное, непрерывное движение по направлению к песочным ямам, которое все разрасталось, так как около ямы, где лежал цилиндр, продолжала царить тишина, и это придавало храбрости людям. Группы в два-три человека отваживались идти вперед, останавливались, пристально всматривались и снова продвигались дальше. Редким, неправильным полукругом растянулись люди около ямы. Я тоже начал медленно подходить к ней.

Несколько кучеров и других каких-то людей отважились даже спуститься в песочные ямы. Я услышал стук колес и конских копыт. Молодой парень тащил обратно свою тележку с яблоками. А ярдах в тридцати от ямы, со стороны Горселля, показалась темная кучка людей, несущих белый флаг.

Это была депутация. Как оказалось потом, в Горселле состоялось очень оживленное совещание. Так как марсиане, несмотря на свою отталкивающую наружность, были, по-видимому, существа разумные, то решено было отправить к ним депутацию и как-нибудь, при помощи сигналов, дать им понять, что мы такие же разумные существа, как и они.

Белый флаг развевался во все стороны. Я стоял слишком далеко, чтобы различить лица идущих, но потом я узнал, что в числе участников этой попытки завязать сношения с марсианами были также Огильви, Стэнт и Гендерсон. Эта маленькая группа людей вступила внутрь теперь уже почти сомкнувшегося круга. За нею, на почтительном расстоянии, следовало несколько темных фигур.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и туча светящегося зеленоватого дыма потянулась вверх из ямы тремя ясно видимыми клубами. Столбы дыма один за другим поднимались вверх в тихом, безветренном воздухе, прямые, как свечи.

Этот дым — назвать его пламенем было бы, пожалуй, вернее — светился так ярко, что темно-синее небо и все пространство коричневого поля по направлению к Чертси, с разбросанными на нем черными соснами, погрузилось во мрак, когда поднялись эти клубы, а когда дым рассеялся, то стало еще темнее. Одновременно слышен был слабый свистящий звук.

По другую сторону ямы остановилась депутация с белым флагом, пораженная этим явлением; это была маленькая, ничтожная кучка черных фигур на черной земле! Их лица, освещаемые вспышками зеленого дыма, казались зеленовато-бледными, как у мертвецов.

Шипящий звук постепенно перешел в жужжание и, наконец, в громкое, протяжное гудение. Из ямы медленно поднялась бесформенная фигура, и казалось, что из нее брызнул маленький световой луч.

Вдруг по разбросанной человеческой толпе пробежали искры настоящего пламени, перескакивая от одного к другому. Казалось, что в них ударили невидимой струей света, который сейчас же превратился в белое пламя. Будто каждый, в кого попадала такая струя, мгновенно загорался.

И при свете этого пламени, приносившего им гибель, я видел, как они метались и падали и как те, кто следовал за ними, обращались в бегство.

Я стоял, ошеломленный всем виденным, не понимая еще, что в той далекой группе людей носится смерть, выхватывая одного за другим. Я чувствовал только, что там происходит что-то особенное. Одна, почти неслышная, ослепительная вспышка света, — и человек падал безжизненной грудой на землю, а над его головой невидимая огненная струя проносилась дальше, — зажигая сосны, кусты дрока и превращая все на своем пути в огненный костер. Я видел, как вдали, под Нэпгиллем, загорелись вдруг ярким пламенем деревянные постройки, изгороди и деревья.

Быстро и неуклонно носилась кругом огненная смерть, все поражая своим невидимым, немолчим мечом. По пылающим кустам я догадался, что она подходит ко мне; но я был так ошеломлен и удивлен, что не мог двинуться. Я слышал треск огня в песочных ямах и внезапное ржание лошади, которое тотчас же затихло. Казалось, что между мной и марсианами чья-то невидимая раскаленная рука провела по полю огненную линию; повсюду вокруг песочных ям темная земля задымилась и затрещала. Вдали, под Уокингом, где дорога со станции выходит в поле, что-то рухнуло со страшным треском. Тотчас же прекратилось гудение, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся из глаз.

Все это произошло так быстро, что я стоял оглушенный и ослепленный, не будучи в состоянии двинуться с места. Если бы огненная смерть описала полный круг, то я бы погиб безвозвратно. Но она прошла мимо и пощадила меня, оставив во власти темной, жуткой ночи.

Холмистое поле казалось теперь почти черным, и только местами под темно-синим небом чуть-чуть серели полосы дорог. Было темно и совершенно безлюдно. Вверху над моей головой постепенно загорались звезды, а на западной стороне неба все еще виднелась мерцающая бледно-зеленая полоса, на которой резкими, темными контурами выделялись верхушки сосен и крыши домов Горселля. Марсиане и их приспособления оставались совершенно невидимыми, только высокий шест, на верхушке которого вертелся неутомимый диск, продолжал стоять. Отдельные кусты и одиноко стоящие деревья все еще горели и дымились, да в стороне Уокинга, у станции, от домов поднимались огненные столбы дыма, расплываясь в тихом ночном воздухе.

Ничто не изменилось. Если бы только не это чувство ужасного, подавляющего изумления! Маленькая горсточка черных фигурок с белым флагом была вычеркнута из жизни, и мирная тишина вечера как будто не нарушалась.

Я вспомнил, что остался один в этом мрачном поле, беззащитный, беспомощный. И внезапно,

Герберт Уэллс

словно что-то пришедшее ко мне извне, на меня напал страх. С усилием я повернулся и, спотыкаясь о вереск, побежал прочь.

Страх, обуявший меня, был не сознательный страх, а панический ужас не только перед марсианами, но и перед окружавшими меня мраком и тишиной. Подавленный этим ужасом, я бежал и тихо плакал, как дитя. Теперь, когда я отвернулся, я уже не решался оглянуться назад.

Помню, что я испытывал тогда странную уверенность, что со мной кто-то играет и что, как только я буду в пределах безопасности, эта таинственная смерть — быстрая как свет — выскочит из ямы, где лежит цилиндр, настигнет меня и убьет...

Глава 6

ТЕПЛОВОЙ ЛУЧ НА КОБГЭМСКОЙ ДОРОГЕ

Все еще остается загадкой, каким образом могли марсиане так быстро и бесшумно убивать людей. Многие придерживаются того мнения, что они доводят до очень высокого градуса температуру в запертой камере, абсолютно не проводящей тепла. Этот накопленный запас теплоты они направляют посредством параллельных лучей на любой намеченный ими предмет, с помощью отполированного параболического зеркала,

подобно тому световому лучу, который распространяется параболическим зеркалом на маяках. Но никто еще не мог доказать верность всех этих предположений. Как бы то ни было, одно было несомненно — что суть дела была в тепловом луче. Тепловая энергия, и притом невидимая, вместо видимой световой. Все воспламеняющееся горит при одном прикосновении этого луча. Свинец превращается в жидкость, железо становится мягким, стекло ломается и плавится; а когда такой луч попадает в воду, он превращает ее в пар.

В ту ночь вокруг ямы лежало до сорока трупов, обугленных и обезображенных до неузнаваемости. Всю ночь на поле между Горселле и Мейбургом бушевал огонь, и туда не показывалась ни одна живая душа. Только постепенно огонь затих.

Весть о разыгравшейся трагедии облетела почти одновременно Кобгэм, Уокинг и Оттершоу. В Уокинге магазины были уже закрыты, когда произошло несчастье, и группы людей, взволнованные рассказами о событиях, шли через Горсельский мост, вдоль дороги, ведущей в поле. Можно себе представить, с каким удовольствием собиралась молодежь после работы, пользуясь новостью дня, как и всякой другой, для совместных прогулок.

Правда, очень немногие люди знали в Уокинге об открытии цилиндра, хотя бедняга Гендерсон

послал на почту велосипедиста со срочной телеграммой для вечернего выпуска газеты. Когда вся эта масса гуляющих, отдельными группами в дватри человека, собралась в поле, они увидели там маленькие кучки людей, возбужденно разговаривающих и глазающих на вертящееся зеркало над песочной ямой. Само собой разумеется, что это волнение вскоре передалось и новопривышшим. В половине девятого, когда погибла депутация, на улице собралось около трехсот человек, а может быть, и больше, исключая тех, которые отделились, чтобы подойти ближе к марсианам. Между первыми было также три полисмена, один из них был верхом. Следуя предписаниям Стэнта, они добросовестно старались оттеснить толпу и не допустить ее близко к цилиндру. По их адресу раздавались свистки и насмешки, исходившие от слишком впечатлительных и сумасбродных людей, всегда готовых поскандалить. Когда марсиане вылезли из цилиндра, Стэнт и Огильви, предвидя возможность столкновения, тотчас же отправили из Горселля телеграмму в казармы с просьбой прислать отряд солдат в ограждение чужеземцев от насилий. После того они вернулись, чтобы участвовать в злополучной депутации. Описание их гибели, как передавали о ней очевидцы, вполне совпало с тем, чему я сам был свидетелем: три столба зеленоватого дыма, громкое гудение и вспыхивающие искры огня.

Но вся эта толпа избежала опасности гораздо более серьезной, чем я. Их спасло только то обстоятельство, что нижняя часть теплового луча наткнулась на преграду в виде песчаного бугра. Если бы шест с параболическим зеркалом был только на несколько ярдов выше, из толпы не спаслось бы ни одного человека. Они видели вспышки огня, наблюдали, как падали люди, как невидимая рука зажигала кустарники и деревья. Потом со свистящим звуком, заглушившим гудение в яме, страшный луч скользнул над их головами, зажег вершины буковых деревьев, которые окаймляли улицу, раздробил кирпичи, разбил окна, зажег оконные рамы и разрушил часть крыши в угловом доме.

При этой неожиданной вспышке и ослепительном зареве горящих деревьев толпа заколыхалась в нерешимости.

Искры, горящие сучья и листья падали на улицу. На людях стали загораться платья и шляпы. С поля доносились испуганные крики. В воздухе стояли стон и вой. Вдруг в толпу врезался конный полисмен; он поднял руки над головой и громко закричал.

— Они идут! — завопила какая-то женщина, и мгновенно вся толпа повернула назад. Передние расталкивали задних, чтобы очистить дорогу к Уокингу. Толпа неслась по дороге, словно испуганное стадо овец. Там, где дорога суживается

Герберт Уэллс

между высокими холмами, толпа остановилась, и началась давка. Не все могли спастись: две женщины и один маленький мальчик были задавлены, и их бросили умирать во мраке страшной ночи.

Глава 7

КАК Я ДОБРАЛСЯ ДОМОЙ

Отдельные подробности моего бегства с поля стерлись в моей памяти. Помню только, как я наткнулся на деревья и путался ногами в вереске. Все вокруг меня, казалось мне, было полно невидимой опасности, исходившей от марсиан. Мне чудилось, что над моей головой все еще носится тот безжалостный огненный меч и что вот-вот он опустится надо мной и убьет меня. Я достиг улицы, ведущей к Горселлю, и побежал по ней к перекрестку.

Вдруг я почувствовал, что дальше идти не могу; я был измучен пережитыми волнениями и бегством. Я зашатался и упал. Это случилось недалеко от моста, в том месте, где у газового завода он пересекает канал. Здесь я упал и остался лежать.

Должно быть, я пролежал тут некоторое время.

Наконец я очнулся и сел, недоумевая, как я попал сюда. Мой страх пропал. Я потерял шляпу, я мой воротничок соскочил с запонки. Всего

несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: беспредельность ночи, пространства и природы, мое собственное ничтожество и страх и близость смерти. Теперь же как будто все изменилось во мне и кругом меня. Я бы не мог определить, произошел у меня переход от одного душевного состояния к другому. Я сразу стал самим собой, обыкновенным, скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, ужасные вспышки огня, все это казалось мне сном, и я спрашивал, действительно ли все это было. Я не мог поверить этому.

Я встал и неверными шагами стал подниматься по крутому мосту. В моей душе было недоумение. Мои мускулы и мои нервы, казалось, потеряли всю эластичность. Я шатался, как пьяный.

Над высокой дугой моста показалась сначала голова, а потом фигура рабочего, несшего корзину. Рядом с ним бежал маленький мальчик. Проходя мимо меня, он пожелал мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним — и не мог. На его приветствие я ответил каким-то бессмысленным бормотанием и пошел дальше.

По Мейбургскому виадуку пронесся поезд, сверкнув на мгновение длинной вереницей освещенных окон и оставив за собой волнующиеся полосы белого огненного дыма. Треск, грохот и звон — и поезд исчез в ночной мгле. Небольшая кучка людей стояла, болтая, в воротах одного из